

У меня есть сообщник, с которым я делюсь секретами.

Подростки на пороге взрослой жизни часто задаются вопросом, какая жизнь ждет их, когда они достигнут совершеннолетия. Какое будущее я себе представлял? Кто знает. Вероятно, это просто более старая версия Кан Джуна. Само по себе это не было бы плохой жизнью. Но время от времени меня мучила маленькая, одинокая жажда, и я плакал из-за этого. Конечно, я делал это втайне — я ненавидел показывать свои слабости другим.

Они говорят, что Бог посылает только те испытания, которые человек может вынести.

Я где-то это уже слышал. Но кто это сказал..? Я не мог вспомнить. Может быть, это было что-то из телешоу. Или из фильма.

Тогда почему Бог послал мне испытание любить мужчин? Что я должен был от этого выиграть?

Но заикливаться на таких вопросах было бессмысленно — и опасно. Если я позволю себе слишком глубоко погрузиться в эти мысли, непреодолимая волна негодования может однажды поглотить меня целиком и задушить.

Только сегодня я, наконец, нащупал нить ответа.

Может быть, я родился с испытанием любить мужчин, чтобы стать свидетелем страданий Ёхана.

С материалистической точки зрения, Ёхан был благословенным человеком. Красивый, высокий, относительно умный и родился в богатой семье. Быть благословенным означало быть в милости у Бога, да? Именно так обычно думали люди.

Во время обеда четки на запястье Ёхана звякнули, когда он накладывал суп в свой поднос.

На мгновение я почувствовал укол вины.

Я представил, как отреагировали бы мои родители, если бы когда-нибудь узнали о моей ненормальности. Раньше они никогда по-настоящему не злились на меня. Как бы я ни старался, я не мог представить, чтобы они с отвращением отворачивались от меня. Если бы они узнали... Я сомневаюсь, что они отреагировали бы так же, как родители Ёхана. Они бы не набросились на меня.

Если это так, то, возможно, я родился более удачливым, чем Ёхан.

Я снова подумал о четках, позвякивающих у него на запястье.

Это было похоже на пару наручников.

— Черт возьми. У меня просто пропал аппетит...

Ёхан нахмурился и стукнул ложкой по подносу.

Я медленно повернул голову, чтобы посмотреть, что привлекло его внимание.

Пак Дончоль, Ким Минхо, Ли Сокхен и Ким Сокмин смотрели в нашу сторону.

Дончоль держался по краям группы, незаметно оценивая настроение. Минхо намеренно избегал смотреть на Ёхана. Но даже тогда было очевидно, что все их внимание было приковано к нему. Это было довольно трогательно.

Тем временем Сокмин с энтузиазмом помахал рукой, а Сокхен слегка улыбнулся Ёхану.

— Неужели у этих идиотов совсем нет здравого смысла?

Ёхан отмахнулся от них и отвернулся, проигнорировав их приветствие.

Стороннему наблюдателю это могло показаться шутливым, но я наблюдал за Ёханом достаточно долго, чтобы понять — он был абсолютно серьезен. Он выглядел по-настоящему разозленным.

Сокмин, однако, воспринял это как шутку и повторил жест.

Ёхан издал низкий смешок, подраживая его про себя.

— Он на самом деле думает, что я признал его. Какой тупица.

Я тихо и удивленно выдохнул.

Эта сцена вызвала в памяти разговор между Сокхеном и Минхо в ванной.

Еще раз, что там было? О, точно:

— Кан Джун так бесит, но отказывается уходить..

В то время они были единственными, кто должен был обратить на это внимание.

— ..Ха.

Они вели себя так, будто раскусили меня, как будто я был просто продолжением Ёхана.

Но на самом деле это они отчаянно цеплялись за него, как за спасательный круг.

Я усмехнулся их жалкому виду.

В конце концов, Ёхан выбрал меня.

При этой мысли мои плечи невольно приподнялись от гордости.

Эти парни? Они выжили только потому, что у них были громкие голоса в классе, и так получилось, что они еще год просидели в одном классе с Ёханом.

Они не были похожи на меня — на тех, кто действительно работал, чтобы достичь того, чего я смог достичь.

Мое высокомерие росло все выше и выше, пока внезапно меня не осенило.

Разве не так должна была бы чувствовать себя наложница, выбранная императором?

Осознание этого заставило меня отшатнуться от собственного веселья.

Но у меня не было времени на раздумья.

Они вчетвером собрали остатки еды со своих подносов и теперь направлялись прямо к нам.

— Хэй, Ёхан.

Они небрежно отодвинули в сторону студентов, сидевших рядом с нами, освобождая себе место.

Сокмин взял инициативу в свои руки, ведя себя чересчур дружелюбно.

— Да ладно, чувак. Не слишком ли это? Ты перестал с нами разговаривать, как только мы перешли в разные классы. Мы серьезно ранены, чувак.

— Вау... Правда...

Реакция Ёхана была совершенно незаинтересованной.

Между ними повисло молчание. Они явно не ожидали такой реакции.

Дончоль выдавил из себя неловкую улыбку, нервно оглядываясь по сторонам. Выражение лица Минхо исказилось, когда он попытался изобразить улыбку.

Удивительно, но именно Минхо заговорил первым.

— Эй, ты что, подкупил кого-то или что-то в этом роде? Ты что, теперь в каком-то элитном классе?

— Да, и правда. Мы как раз говорили об этом — как, черт возьми, ты оказался в первом классе? В этом классе нет никого, кроме отличников. И тут появляешься ты? Как-то подозрительно? В конце концов, твоя семья богата.

Сокмин громко рассмеялся, стараясь компенсировать это.

Вероятно, он почувствовал напряжение и пытался его развеять.

Он всегда был из тех, кто оживляет беседу, сглаживает неловкость. Вероятно, именно поэтому он терпел таких, как Дончоль, хотя он не очень-то ему нравился.

В некотором смысле, у него было мягкое сердце.

— А если серьезно. Ты что, подкупил кого-нибудь, чтобы попасть сюда?

— ...

— Ну же, скажи что-нибудь. Тебе нравится учиться в первом классе? Как ты вообще туда попал? Ты получил ответы на тест от Кан Джуна? Черт, этот придурок, вероятно, учился втайне от нас, не говоря нам об этом.

Ёхан лениво ухмыльнулся, но ничего не ответил. Вместо этого он зачерпнул немного супа и медленно поднес ложку ко рту.

Я мог бы сказать.

Он был зол.

По крайней мере, мне так показалось.

— ...

Я уставился на дешевые гарниры на своем подносе, внезапно потеряв аппетит.

Я хотел спросить, как вам новый класс? Не разделилась ли и ваша группа?

Но придержал язык.

В классе было тридцать учеников.

Среди них всегда было несколько пацифистов — людей, которые не могли вынести напряженной тишины социального противостояния.

У большинства из них была незапятнанная репутация.

Хороший парень. Порядочный человек.

Неплохое впечатление, но и ничего особенного.

— Эй, Ёхан этого не отрицает. Значит, это правда.

Иногда те, кто портил настроение, в конечном итоге приобретали лучшую репутацию.

Именно так устроены человеческие отношения.

Я знал, что если сейчас попытаюсь сменить тему, то в конечном итоге буду выглядеть как миротворец.

Поэтому я держал рот на замке.

— Черт, ты серьезно?

Устанавливалась иерархия.

Момент, когда люди незаметно подталкивали и проверяли друг друга, выясняя свои позиции.

Что-то прижалось к моей ноге.

— ...

Напротив меня Ёхан лениво подпирал рукой подбородок и жевал свою еду.

Я слегка пошевелил ногой, думая, что мне это почудилось.

Нет.

Это ощущение преследовало меня.

Целенаправленное давление началось с моей лодыжки и медленно распространилось вверх по икре.

Мое лицо вспыхнуло.

Я в панике поднял глаза.

Там был Ёхан, который небрежно пил воду и выглядел совершенно нормально.

Что, черт возьми, он делает?

Я перевел взгляд на четырех идиотов, уставившихся на Ёхана.

Я не мог прямо сейчас спросить его, делал ли он это нарочно.

Но он это делал.

Это не было случайностью.

Тупая боль скрутила мой живот.

Я с силой выдвинул ногу вперед.

Глухой звук.

Кость столкнулась с костью.

— ...Ах, черт!

Ёхан вскрикнул, схватившись за ногу.

Всеобщее внимание переключилось на него.

— Ёхан, что случилось? Ты обо что-то ударился?

Сокмин протянул руку и обеспокоенно похлопал Ёхана по спине. Его взгляд упал на ногу Ёхана, которую он все еще сжимал, и он застонал от боли.

Но Ёхан спокойно оттолкнул руку Сокмина, выпрямился и потер плечо, словно отгоняя запоздалую мысль. Затем, как будто ему даже не нужно было об этом думать, он небрежно произнес:

— Джун, зачем ты пнул меня по ноге?

Этот придурок. Он снова затеял это дерьмо.

На мгновение я растерялся, застигнутый врасплох.

Он сказал это нарочно, достаточно громко, чтобы все услышали.

Он чертовски хорошо знал, что я не могу просто проигнорировать его. Он знал, что я слишком сильно забочусь о том, каким меня видят люди.

Какой коварный маленький засранец.

— ...Тебе следует слушать, когда с тобой разговаривают. Невежливо игнорировать их.

— ...Ах, это убивает меня.

Ёхан, который до этого молча пожевывал губами, прочистил горло, а затем — внезапно, как ни в чем не бывало — заговорил чересчур веселым тоном.

— Да, похоже, мой отец пожертвовал школе кучу денег, чтобы помочь таким кускам дерьма, да?

Напряженная атмосфера, которая до этого давила на группу, немедленно дала трещину.

Четверо из них, которые до этого колебались и наблюдали за реакцией, вдруг облегченно вздохнули. В воздухе мгновенно стало легче.

Но резкость в голосе Ёхана и отдаленно не напоминала радушие.

— Что за... Эй, Го Ёхан. Что, черт возьми, ты несешь? Ты что, хочешь поссориться с нами прямо сейчас?

— Кто начал первым?

В конце концов, Ким Сокмин, не в силах больше сдерживаться, разразился резкими словами. Го Ёхан даже не взглянул на него и вместо этого криво улыбнулся. Наблюдая за ситуацией с искаженным лицом, Ким Минхо внезапно вмешался.

— Сокмин, ты серьезно только сейчас понял, что Го Ёхан - гребанный кусок дерьма? Этот ублюдок всегда был полным мудаком.

— Эй! Какого хрена, чувак? Мы же друзья, мать твою!

— Я тоже так думал, тупица. Эй, ты что, не помнишь, как этот идиот все время обзывал нас отбросами? Неужели ты не понимаешь? Это была не шутка — он действительно так думал. Он смотрит на нас сверху вниз, как на гребаных идиотов. Поверь мне, ты, гребанный дебил.

— И кто ты, блядь, такой, чтобы говорить мне, что я должен верить твоим словам? Ты политик или что-то в этом роде?

Даже в этой ситуации Го Ёхан усмехнулся про себя. Ли Сокхен молча переводил взгляд с Го Ёхана на Ким Минхо, в то время как Пак Дончоль нервно кусал губы, не в силах усидеть на месте. Даже внимание окружающих студентов теперь было приковано к ним. Черт возьми. В конце концов, мне пришлось вмешаться.

— Эй.. Прекратите ругаться.

— Какого черта? Кто ты вообще такой, чтобы вмешиваться?

— Минхо, просто хватит.

— Что?

— Все пялятся на вас.

Ребята, у вас что, совсем глаз нет? Я послал молчаливое предупреждение. Ким Минхо стиснул зубы и уставился на меня.

— Если ты злишься, решай это словами. Это никому не поможет...

— Какого черта? Что этот мудака вообще говорит? Ведет себя как гребанный надзиратель в зале. Выводит меня из себя. ...Ах, черт!

Прежде чем я успел закончить, Ким Минхо закричал, и в этот момент сотни глаз в кафетерии повернулись в нашу сторону. Я тихо выругался и опустил голову. Чертовски неловко.

Тем временем Го Ёхан взял свой поднос и медленно встал. Даже когда он это сделал, выражение его лица оставалось вызывающим, его мрачное и холодное лицо исказилось, когда он насмеялся над ними.

— Почему ты вдруг завизжал, как свинья, которую режут? Твой голос раздражает, так что не мог бы ты заткнуться?

Затем он слегка наклонил голову и сказал:

— Джун, если ты закончил есть, вставай. Пошли.

Я уже готовился к уходу без предупреждения. Дальнейшее пребывание здесь не принесло бы мне никакой пользы. На самом деле, я был благодарен Го Ёхану за то, что он придумал предлог для ухода отсюда.

Ким Минхо, пораженный таким вопиющим пренебрежением, мог только открывать и закрывать рот, как рыба, прежде чем резко вскочить и закричать снова.

— Вы, две мрази, прямо сейчас игнорируете меня?

Ах, это унижительно. Я почувствовал на себе все усиливающиеся взгляды и отвернулся. Я не хотел здесь находиться. Го Ёхан намеренно шумно выдохнул, оглядев Ким Минхо с ног до головы с выражением явного разочарования. И тут я увидел это — злобность Го Ёхана.

Он определенно был сыном своего отца.

Его прищуренные глаза скользнули по четверым, на его лице появилась змеиная ухмылка.

— Ли Сокхен. Ким Сокмин.

— ...

Он окликнул двух парней, которых только что демонстративно игнорировал, и его голос

прозвучал странно тепло.

— Хотите пойти с нами?

— ...А?

— В закусную. Идете или нет?

Ким Сокмин и Ли Сокхен обменялись взглядами, посмотрели на кипящего от злости Ким Минхо, затем, наконец, повернулись ко мне и Го Ёхану. Между ними четырьмя возникло напряжение.

Го Ёхан бросил камень в воду, и рыбой, которая отреагировала первой, был Ли Сокхен.

— Ой? О, да. Я пойду.

Ли Сокхен без колебаний поднялся со своего места. Он направился к нам, не оглядываясь, небрежно махнув рукой Киму Минхо, словно пытаясь его успокоить.

Лицо Ким Минхо исказилось, но Ли Сокхен выглядел лишь слегка смущенным — похоже, он не собирался менять свое решение.

— Ли Сокхен. Куда, черт возьми, ты идешь?

— Минхо, я позвоню тебе позже, хорошо? Я позвоню...

— Ты гребаный придурок! Куда, черт возьми, ты собрался? Ты же знаешь, что они просто выбросят тебя, верно?

— Ах, нам нужно все уладить, понимаешь? Я поговорю с Ёханом, хорошо?

Ли Сокхен послал Ким Минхо какой-то едва уловимый сигнал, который могли понять только они. При этих словах Ким Минхо, который до этого практически рычал, резко перестал двигаться и откинулся на спинку стула.

Несмотря на это, он не переставал ругаться себе под нос.

Ким Сокмин, который колебался, переводил взгляд с Минхо на нас и обратно. В конце концов, когда мы сделали шаг вперед, он быстро похлопал Минхо по плечу и сказал,

— Хорошо, Минхо, увидимся на перемене.

— Эй! Ты..!

Минхо издал резкий вопль, как будто на самом деле не ожидал, что они уйдут. Но, честно говоря? Из всех присутствующих я больше всего переживал за Пак Дончоль, о котором не было упомянуто ни разу.

Пак Дончоль был единственным, кто остался сидеть рядом с Ким Минхо, наблюдая за нами с чем-то, очень похожим на зависть.

— ...

Как только Ким Минхо скрылся из виду, настроение Ким Сокмина заметно улучшилось. Он словно вспомнил о чертовой золотой рыбке — с глаз долой, из сердца вон. Он начал поглядывать на Го Ёхана с игривой ухмылкой.

— Эй, тебе действительно не следовало говорить этого раньше. Черт, мне действительно было немного больно.

— Оу.

Го Ёхан обнял Ким Сокмина за шею. Это могло показаться небрежным жестом, но я знал — это был классический прием, когда кто-то незаметно подавляет другого с помощью чистой силы.

Го Ёхан был хрестоматийным во всех отношениях.

Как всегда, Ли Сокхен плавно встал между ними, отпуская шутки, которые никогда не переходили грань откровенного оскорбления.

И вот так, одним махом, Го Ёхан посеял недоверие между четырьмя так называемыми друзьями.

Что скажут Ким Сокмин и Ли Сокхен, когда вернутся, для нас не имело значения.

В конце концов, те, кто остался, чтобы говорить о нас гадости, были не кто иные, как Ким Минхо и Пак Дончоль.

Не было комедии лучше этой.

Ким Минхо и Пак Дончоль, внезапно оказавшиеся вместе под надуманным предлогом дружбы?

Где еще вы найдете такое ироничное сочетание?

Го Ёхан был по-настоящему опасен.

Вместо того, чтобы выбрать одного, он взял с собой двоих — как это коварно.

Один человек может не решиться уйти, опасаясь изоляции. Но с двумя ситуация меняется.

Вот почему Ли Сокхен смог так быстро подняться.

Вот почему Ким Сокмин последовал за ним, не задумываясь.

Два человека, оказавшиеся в одинаковом положении, укрепляют свои узы.

Два человека становятся партнерами — соучастниками преступления.

Прямо как мы с Го Ёханом.

Когда мы подошли к закусочной, Ким Сокмин и Ли Сокхен были слишком заняты тем, что отбирали друг у друга закуски, чтобы заметить что-то еще. Тем временем Го Ёхан тихо прошмыгнул мимо меня. В его руке было печенье с шоколадной начинкой. Его длинные тонкие пальцы медленно снимали обертку. Когда он снял прозрачную упаковку, его взгляд, странно наполненный чем-то почти чувственным, остановился на мне. Может, дело было в том, как он на меня смотрел, но у меня было такое чувство, будто с меня снимают рубашку. Инстинктивно я схватился за воротник.

Его пальцы впились в обертку, надавливая на мягкую поверхность. Даже когда он это делал, его пристальный взгляд не отрывался от меня. Мои глаза опустились на слегка приподнятый деревянный пол.

С тех пор, как я уловил его эмоции, Го Ёхан изменился — стал каким-то странным.

Вертикальный разрыв на упаковке расширился, и стало видно темное печенье внутри. Го Ёхан медленно поднес это к моим губам. Я решил не обращать внимания на его жалкую попытку соблазнить меня. Чтобы это не выглядело странным для остальных, я одарил его обычной улыбкой и взял половинку, которую он не держал в руках. Между бровями Го Ёхана пролегла морщинка. Он, похоже, был недоволен. Я ухмыльнулся и разломил печенье пополам.

Струйка расплавленного шоколада вытекла из разреза и потекла по его пальцам. Я отправил в

рот половинку, которая оказалась у меня на ладони, затем слегка откинул назад, одарив Го Ёхана еще более широкой улыбкой.

— Вкусно.

Го Ёхан тупо уставился на стекающий шоколад. Он скользнул по его предплечью, впитываясь в рубашку. Однако его взгляд переместился в противоположном направлении — шоколад, рука, еще раз на ладонь, на пирожное, а затем снова на меня.

Он снова протянул руку, на этот раз прижимая мягкое печенье к моим губам.

Фу.

Шоколад протиснулся между трещинами и попал мне в рот. Я нахмурился, слизывая шоколад, который растекся по уголку моих губ.

— Я наелся.

Это был мой способ сказать ему, чтобы он прекратил. Но Го Ёхан только выглядел разочарованным.

— Я пытался накормить тебя.

— Ты что, идиот?

У Го Ёхана не было чувства осторожности. Это была черта характера, порожденная его врожденной неприязнью к неприятным вещам. Он часто действовал, не задумываясь.

— Вот почему ты попался. Тебе следовало быть осторожнее.

— О, это нравится тебе?

Неужели он не боялся, что его поймают? От его вопиющего бесстыдства меня прошиб холодный пот.

Пока я смотрел на него, размятое печенье, которое коснулось моих губ, оказалось во рту Го Ёхана. Он ухмыльнулся, его губы были перепачканы шоколадом, как будто насмехаясь над моей ложью, которую я сказал прошлой ночью.

Я ожидал этого с тех пор, как он начал повторять мои слова в качестве собственного оправдания. Но подтверждение того, что он мне не поверил, все еще оставляло горький

привкус во рту.

Я легонько стукнул его ногой по голени и пробормотал:

— Заткнись.

Но Го Ёхан, казалось, даже отдаленно не пострадал. Он просто взглянул на то место, куда я его ударил. Вот и все.

Немного унизительно.

Почему, черт возьми, он такой большой и крепкий?

Я надулся, выпятив нижнюю губу.

— Я нарочно слегка тебя ударил.

— О, правда?

Затем, словно вспомнив о чем-то забавном, Го Ёхан приподнял бровь. Без предупреждения он наклонился.

Я был застигнут врасплох его резким движением. Мои инстинкты сработали, и я немедленно закрыл рот, внимательно наблюдая за ним.

Го Ёхан оскалил острые клыки и схватился за то место, куда я его пнул.

— Ох.

— Что?

— Джун, это действительно было больно.

Его холодные глаза опустились, выражение лица стало преувеличенно жалким. Ложь была очевидна как божий день.

Я наклонился и взъерошил его челку, закрывая ему глаза.

— Перестань врать и вставай.

— Ух ты. Ты ударил меня, а теперь ведешь себя так бесстыдно.

От игривости не осталось и следа. Теперь он был откровенным актером. Но если он собирался пойти на такое, мне нечего было сказать.

Я скрестил руки на груди и спросил:

— И что же? Что ты хочешь, чтобы я сделал?

— Вытри это.

Го Ёхан протянул ко мне руку, растопырив пять пальцев, как распускающийся цветок.

Я уловил слабый аромат чего-то сладкого, исходящий от его руки.

Его рубашка уже была перепачкана шоколадом. Это было результатом его собственных неосторожных действий.

Кто, черт возьми, размахивает рукой, с которой капает шоколад?

Я мысленно обвинил его в этом. Его рубашка, вероятно, была безнадежно испорчена.

— Нет.

— Почему нет?

— Это выглядит странно. Люди подумают, что это странно.

— Никто ничего не подумает.

Го Ёхан нахмурился.

— Ты думаешь, вытирать шоколад с рубашки друга выглядит странно?

Он говорил так, как будто это было само собой разумеющимся, что я должен это сделать.

Пока я слушал его обычные логические рассуждения, у меня в голове внезапно возник вопрос.

Я всегда хотел спросить.

И сейчас, похоже, настал идеальный момент.

— Ёхан.

— Да?

— Почему ты нарочно ведешь себя так странно всегда?

— Странно?

— Почему ты заставляешь людей смотреть на тебя свысока? Тебе не кажется, что это действительно глупо?

При моих словах Го Ёхан нахмурил брови. Подперев подбородок пальцами, он, казалось, обдумывал что-то, прежде чем, наконец, ответить:

— Как ты думаешь, почему Хан Джун У проиграл мне?

О чем, черт возьми, он говорил?

Я понятия не имел, что он имел в виду.

Когда я нахмурился и наклонил голову набок, Го Ёхан тихо рассмеялся.

— О чем ты говоришь?

— Этот парень был слишком хорошо воспитан. Он никогда не понимал образ мыслей тех, кто находится на самом дне.

— ...И поэтому ты заставляешь людей смотреть на тебя свысока?

— Иногда людей нужно недооценивать.

— В этом нет никакого смысла.

— Чтобы получить то, что хочешь, ты должен уметь лгать.

— ...

— Совсем как ты.

<http://bllate.org/book/12586/1118498>